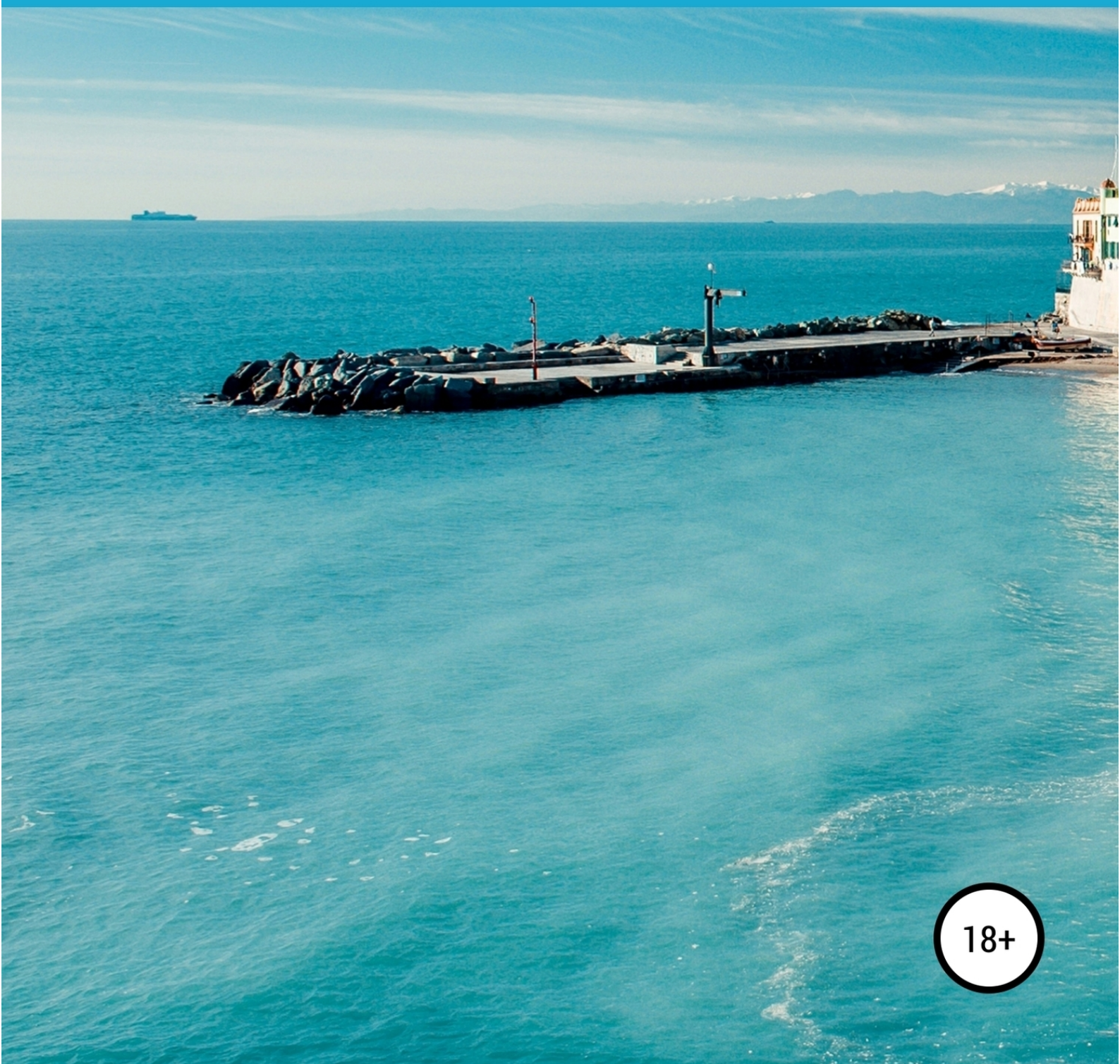

Лавринович Надежда

Одержимость

Роман

18+

Надежда Лавринович

Одержимость

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лавринович Н.

Одержимость / Н. Лавринович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Внезапно ей стало дурно, не хватало воздуха, и Лана задышала шумно и часто. Вскочив, она расстегнула шубу и сорвала с шеи шарф, как если бы ей вдруг стало нестерпимо жарко. Перед мысленным взором ее пробежали ТЕ кадры из новостей. Она ясно увидела вмиг побледневшее лицо Егора, и то, как медленно он повернулся и внимательно посмотрел ей прямо в глаза. Лана вновь ощутила колкий ледяной холод, в точности как в тот миг, когда увидела догадку на лице Егора. Через минуту она поежилась и запахнула шубу, продолжая сжимать в руке шарф.

© Лавринович Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ОДЕРЖИМОСТЬ

Пролог

Москва. Ваганьковское кладбище, 17 декабря 2017г.

– Надо же, два года прошло... – задумчиво протянула Женя, стаскивая варежку и смахивая ею снег с памятника, – а как будто вчера... как же быстро время летит... Правда? – Она взяла из рук Ланы две бардовые розы и положила их на могилу: «Красиво... Ему бы понравилось... что скажешь, Егор? Ты любил розы, знаю, любил»...

– Да... – эхом отозвалась Лана, присаживаясь на заснеженную скамейку у края оградки, – он бы оценил; белый снег, бардовые розы... ты права. Если он и дарил мне цветы, то именно такие.

–Ну, помянем Егора нашего. Давай только сначала снег стряхнем, так и простудиться недолго. Вставай! Ты же прямо в сугроб уселась! Не видела что ли?! – наконец, Женя устроилась рядом с подругой и достала из рюкзака бутылку и три бокала, а в кармашке нашелся предусмотрительно захваченный штопор и плитка горького шоколада. Женя ловко и аккуратно открыла вино, наполнила один из бокалов и осторожно поставила его на плиту. С фотографии им улыбалось открытое лицо довольно привлекательного мужчины.

«Троицкий Егор Платонович.

1973 – 2015гг.

Сыну, брату, отцу и мужу.

Вечная память» – гласила надпись.

– Егор был эстетом, пил только из стекла, из пластика никогда. Даже на пикниках. Помнишь? – принимая бокал, грустно сказала Лана.

Молча выпили, вспоминая. Покойный не признавал крепких напитков, предпочитая всем прочим красное сухое вино. Особенно любил Егор чуть терпкие грузинские вина: «В грузинском вине есть душа – часто говорил он – ни в одном другом я ее не встречал».

Даже встречаясь с друзьями, Егор себе не изменял, на уговоры «попить водочки» или «вискарик» никогда не поддавался: «Водку, как и виски, мне пить не вкусно. Я эти напитки не понимаю, – терпеливо объяснял он, – водка крадет у людей лицо, отупляет, а вино дарит легкость и радость».

Женька покрутила в руках бутылку:

– Хорошо морозов нет, не успело вино замерзнуть... – произнесла она задумчиво, – все-таки ледяное красное как-то не очень...

– Да... его бы подогреть и гвоздики добавить... – согласилась Лана.

Посидели еще немного, каждая думала о своем. Разговор начинать не спешили. Со дня самоубийства Егора, подружки старательно избегали обсуждать случившееся. И все же поговорить следовало, да и времени прошло достаточно для того чтобы боль немного утихла и не так яростно терзала душу. День за днем женщины привыкали жить без Егора, мирились с тем, что он уже не вернется.

– Как думаешь, он нас простил? – почти шепотом спросила, наконец, Лана и одним глотком жадно допила вино.

– Не знаю, но думаю, он все понял, – Женя прищурилась и пристально посмотрела на Лану.

– Что понял? Он потому и... что понял. Что еще он мог «понять?!», – еле слышно прохрипела Лана.

Внезапно ей стало дурно, не хватало воздуха, и Лана задышала шумно и часто. Вскочив, она растегнула шубу и сорвала с шеи шарф, как если бы ей вдруг стало нестерпимо жарко. Перед мысленным взором ее пробежали ТЕ кадры из новостей. Она ясно увидела вмиг поблед-

невшее лицо Егора, и то, как медленно он повернулся и внимательно посмотрел ей прямо в глаза. Лана вновь ощутила колкий ледяной холод, в точности как в тот миг, когда увидела догадку на лице Егора. Через минуту она поежилась и запахнула шубу, продолжая сжимать в руке шарф.

– Он понял, что выбора не было, у ТЕБЯ не было выбора. У кого-то другого в этой ситуации, он бы был. А у тебя нет. Случилось ровно то, что должно было случиться. Она должна была исчезнуть. Так или иначе, но исчезнуть, – будто бы не замечая состояния подруги, спокойно пояснила свою мысль Женя. – Знаешь, я уверена, после смерти люди вдруг видят четко и абсолютно ясно, всю картину в целом. Мозаика или пазл, как тебе больше нравится, складывается, все становится на места. Загадок не остается. Люди получают ответы на все вопросы, на все, что волновало и не давало покоя при жизни. Согласна? Очутившись ТАМ, Егор увидел, и все для него стало понятно, как день. Он тебя простил. Я в этом уверена. Ты вообще задумывалась когда-нибудь о смерти? После ухода Егора я стала думать об этом очень часто, даже, наверное, слишком часто. Я нашла множество книг и статей на эту тему, оказывается их тысячи. Я раньше не знала, что люди так много и разнообразно размышляют об этом и пишут, и рассуждают на форумах. Иногда он навещает меня во сне. А к тебе он приходит? Приходил хоть раз?

– Знаю я эту твою теорию... она, конечно, очень интересна и очень соблазнительна, но никто не знает, ЧТО на самом деле нас ждет после. Нет, мне он не снится, и о смерти я не думаю, – соврала Лана, пряча глаза от подруги, – а вот о нем думаю постоянно, все прокручиваю в голове, вспоминаю... если бы я не поехала тогда на эту чертову дачу... если бы Вера не позвонила мне... если бы, если бы... он был бы жив. Она была бы жива. Но думаешь, он действительно понял? Такое разве можно понять?! Что ты вообще говоришь?! И ты на самом деле считаешь, что выбора не было? – спросила Лана и в голосе ее зазвенели слезы. – Конечно же, выбор был. Ты же знаешь, Женя, был выбор. Но тогда мне казалось, что это единственный выход. Я сама не знаю, ЧТО мне казалось. Я была сама не своя, ты же помнишь. И ты же знаешь, знаешь, как сильно я любила его. Если бы я могла предвидеть, если бы ... Мне невыносимо жить без него. Невыносимо, – добавила она и горько, навзрыд заплакала.

Москва. 1996 – 2001 гг.

Лана появилась посередине года; 13 лет, 7-ой класс «А» 113 школы. Классная Марина Витальевна предупредила ребят, что к ним придет новенькая. Дескать, отец у нее крупный не то архитектор, не то инженер-строитель из Питера. Пригласили его с семьей в Москву, по контракту. Надо, мол, девочку принять, как положено, помочь ей освоиться: «Вы, ребята, поймите, она в Москве впервые. Питер, конечно тоже очень большой город, но все-таки он сильно отличается. Вы сами все понимаете, не маленькие. Так уж получилось, что в Москве она не была. Случается и такое. Всякое, знаете ли, случается. Все здесь чужое для нее и никого знакомых. Очень прошу вас, будьте к ней мягче и внимательнее, – зывала Марина. – А то знаю я некоторых из вас»...

– Не переживайте Вы так, Марина Витальевна! Что мы звери какие-нибудь?! Примем, обогреем и приласкаем! – раздались с разных сторон веселые возгласы.

– А Вы ее видели, Марина Витальевна? Видели? Не крокодил какой-нибудь? А то крокодилов мы не очень любим! Принять и понять крокодила нелегко, Марина Витальевна!

Как только Лана вошла, все взоры с любопытством обратились к ней. В классе повисла заинтересованная тишина. Лана оказалась миловидной худенькой девочкой, главное достоинство которой – копна мягких волос цвета янтаря и пухлые нежные губы. Глаза серо-зеленые, несколько веснушек на носу, сливочная кожа и чуть приметный румянец. Явно смущаясь, чув-

ствуя мучительную неловкость от столь пристального внимания, новенькая потупила глаза и залилась краской.

– Не стесняйся, Ланочка, садись сюда, дорогая, – Марина Витальевна указала на место за третьей партой рядом с крошечной темноволосой девочкой. – Это Женя Троицкая, познакомьтесь. Будете сидеть вместе, – распорядилась она. – Ребята! Начинаем урок! Прекратите перешептывания! – обратилась она к классу.

– Лана – это от Светлана? Или тебя на самом деле так зовут? – сразу спросила Женька, едва Лана уселась рядом.

– На самом деле. Так мама решила. А папе пришлось согласиться. Поэтому я Львова Лана Павловна. Странно звучит, да?

– А по-моему, очень даже ничего. В любом случае, это лучше, чем, скажем, Стеклова Анжелика Сергеевна. Вот где ужас! Учитесь у нас такая в параллельном, – улыбнулась Женька и подмигнула. – Будем знакомы, Лана Павловна.

Лана была дружелюбной, улыбчивой, очень скромной и совершенно неконфликтной, оттого ее «вливание» в новый коллектив прошло просто, само собой, без притирок и шероховатостей. Уже через неделю она чувствовала себя вполне комфортно на новом месте.

С того самого дня, как с легкой руки Марины Витальевны, Женя и Лана стали сидеть за одной партой, началась их многолетняя дружба.

Уже через несколько недель девочки не мыслили себя друг без друга.

– Пойдем после уроков ко мне! – предложила Женька на третьей неделе знакомства.

– А что твои родители? Они на работе? – засомневалась Лана, – а это удобно?

– Конечно же, на работе! Они у нас целыми днями на работе, – ответила Женька. – И почему же неудобно?! Очень даже удобно! Уж ты мне поверь. Пообедаем, поболтаем, вместе уроки сделаем. Здорово же!

– А брат? – робко уточнила Лана, – мы ему не мешаем?

– А что брат? У него давно уже своя жизнь. Не бойся, никто нам не мешает, и мы никому не мешаем. Какая же ты смешная! Думаешь, стала бы я тебя приглашать, если бы это было неудобно? Давай, соглашайся!

Лана знала, что брат Егор старше Женьки на десять лет, что учится он в институте и что Женька его очень любит, но видит редко.

– Понимаешь, Егор все время где-то зависает. То у друзей, то у подруг, – объясняла Женя, – со мной ему неинтересно. Оно и понятно... и все же немного обидно.

Но в тот день Егор неожиданно оказался дома: «А! Малявка пришла! – на звук открываемой двери, из комнаты вышел высокий крупный парень, такой же темноволосый, как Женя, – даже две малявки! Ну, давайте знакомиться! – он шутливо протянул большую ладонь и осторожно пожал худенькую ручку, вмиг зардевшейся Ланы, – Егор. А ты?

– Лана – не поднимая глаз, еле слышно прошелестела та.

– Очень приятно, Лана, – Егор широко улыбнулся и подмигнул Женьке. – Не бойся, я не кусаюсь, – обратился он к Лане, – и даже накормлю вас обедом. Идет?

– Егор! – Женька повисла на брате, – а потом поиграешь с нами в «Монополию»? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – заканючила она.

В тот самый миг, когда Егор коснулся ее руки, Лана его полюбила. Не просто влюбилась в старшего брата подруги, а совершенно всерьез полюбила, сразу и на всю жизнь. Юная Лана отчетливо поняла это и приняла как данность.

– Знаешь, Женька, – сказала она несколько месяцев спустя, – а ведь я люблю Егора. И это очень серьезно.

– Чего?! – засмеялась подруга, – «Люблю»? Да ты для него слишком маленькая!

– Это сейчас я маленькая. Но вот увидишь, я вырасту и выйду за него замуж.

– Не смейся! Знала бы ты, сколько у него девчонок. Ему нет до тебя никакого дела. Не обижайся, Ланка, но это все глупости.

– Нет. Не глупости. Вот увидишь. Так и будет, – возразила Лана на полном серьезе, – я буду любить его всю свою жизнь. Запомни, Женька. Всю жизнь.

– А, ладно тебе! – отмахнулась Женька, – это твои фантазии. Придет время, первая над ними посмеешься.

Разумеется, Егору не было до юной влюбленной Ланы никакого дела. Он ее вообще ни в каком качестве не рассматривал. И наверняка бы от души посмеялся, открой ему Женька тайну подруги. Надо отдать Женьке должное – о чувствах Ланы она не говорила никому, не смотря на то, что в любовь «на всю жизнь», ни капельки не верила. Однако Лана думала иначе. Пусть все идет своим чередом, нужное время непременно наступит.

– Он будет моим, будет моим, – погружаясь в сон, говорила себе Лана каждый вечер.

Очень скоро девочка с медовыми волосами стала своей в гостеприимной семье Троицких. Жила семья в новой благоустроенной высотке рядом с парком, в двух шагах от школы. Квартира насчитывала четыре комнаты, и у каждого имелся собственный, независимый угол. Детям позволили обустроить комнаты по собственному вкусу и врезать замок, на тот случай, если вдруг захочется отгородиться от всего мира. У каждого из старших Троицких, так же имелась своя, отдельная комната. Подобный уклад казался весьма необычным и таким интригующим! Ведь родители Ланы, как и все их друзья, знакомые и родственники, делили одну спальню на двоих. В Питере у Львовых осталась небольшая двухкомнатная квартирка на Васильевском острове. У Ланы была комната, но так, как жили Троицкие не жил никто из окружения Львовых. В Москве Лана с отцом тоже поселились в двушке, и ей досталась отдельная комната, однако обставляла ее хозяйка, строго-настрого запретив, что-либо менять. Не говоря уже о том, чтобы врезать замок и запирается:

– Вы должны понимать, – показывая «хоромы», предупредила хозяйка, – самостоятельно я не терплю. Я хозяйка, вы – жильцы. Формула ясна?

– Куда уж яснее! – усмехнулся Павел.

– Если так, – строго посмотрев на него, заметила дама, – мы с вами обязательно поладим.

Когда несколько месяцев спустя Лана заикнулась о своем желании поставить замок, Павел вознегодовал:

– Зачем тебе закрывать дверь на замок?! Разве тебе есть что скрывать?! Нет! Я этого не понимаю! Категорически не понимаю! Я не захожу к тебе без стука, не врываюсь без предупреждения и не копаюсь в твоём белье. Замок в одной семье это совершенно недопустимо. Дико! Это акт недоверия! Неблагополучия. Это говорит о том, что в семье что-то не так!

В семье и в самом деле было «не так». Мама Ланы, Мила в Москву не поехала. Чуть не в последний момент она объявила, что уходит к другому мужчине. Все началось с того, что отец застал ее что называется «в дверях». Подкрашенная, приодетая и причесанная, она собиралась улизнуть, умчаться на свидание. До возвращения мужа с работы оставалось по ее подсчетам минут сорок. Но, как назло, Павел Анатольевич освободился раньше именно в тот день.

– Любопытно, куда это ты намылилась такая красивая? – удивленно, но все еще ничего не подозревая, поинтересовался Павел.

Оказавшись не готовой к столкновению, Мила растерялась. Талантливо импровизировать она, увы, не умела. Помявшись, она выпалила:

– Я полюбила! Вот так! Этого не изменить! Поэтому езжайте без меня.

– Я что-то не понял... – оторопел Павел Анатольевич, – что все это значит?! А как же Лана?! У меня не укладывается в голове, ты сказала, «полюбила»?! Когда? Как?! Это значит, ты давно уже нас обманываешь?

– Лана? А что Лана? Она уже большая девочка, вполне в состоянии позаботиться о себе. Нянька ей не нужна, – заявила Мила, поправляя прическу. Остальные вопросы она оставила без внимания, будто не слышала.

– Что ты такое говоришь, Мила! Опомнись! Лане всего 13 лет! Такой сложный возраст! – пытался достучаться до жены Павел, – когда ты успела? Как это вообще могло произойти? Выходит, ты давно уже обманываешь меня?! Живешь двойной жизнью? Почему ты не отвечаешь?! – Павел внимательно смотрел на жену, так, будто видел ее впервые.

– И что? Что теперь? Так уж получилось, я этого не планировала! Или я должна отказаться от собственного счастья? Так, по-твоему?! – Мила картинно уперла руки в бока.

– Мила! Ты меня просто шокируешь! Это же предательство, самое настоящее предательство! Ты не понимаешь?! – Павел обессилено опустился на диван. – Лана сейчас вернется из школы, что мы ей скажем? Как ты все ЭТО объяснишь?!

Но Мила молчала, сложив на груди руки, она смотрела на мужа холодными, чужими, безжалостными глазами.

Павел Анатольевич отчетливо понял, что ничего не добьется.

– Хорошо. Я понял. У тебя ЛЮБОВЬ, ты никуда не едешь. Но у меня контракт! Обязательства! Как ты себе это представляешь?! Я не смогу уделять дочери столько внимания, сколько необходимо. Может быть Лана останется здесь, с тобой?

– Ну, нет! – поспешно воскликнула Мила. – Она всегда была твоей любимицей, вот и поезжайте вместе. И потом, в Москве больше возможностей, перспектив. И все такое... ну, ты сам все понимаешь.

– Я понимаю, понимаю, что в угоду своим прихотям ты бросаешь не только меня, но и собственную дочь! Где твои материнские чувства?! Что с тобой произошло, Мила?!

– О! Не драматизируй! Не с младенцем же я тебя оставляю, в конце то концов. И, дорогой мой, это не прихоть!

– А что же?! Что ЭТО такое?! Замужняя женщина, мать и вот вам, пожалуйста! Как ты могла так поступить с нами?!

– Я же сказала, что не планировала! Так получилось! Никто от этого не застрахован, дорогой, Пашенька!

– Ерунда! Полная чушь! Если бы ты больше времени уделяла семье, а не шлялась по городу со своими бездельницами-подругами, этого бы не произошло!

Лана давно уже вернулась из школы и, словно бы заледенев, внимательно слушала перепалку, стоя у двери. Родители так увлеклись разбирательством, что не заметили присутствия дочери. Лана же, переживала, пожалуй, самое сильное потрясение за свою недолгую жизнь. Девочке ни разу не приходило в голову, что ТАКОЕ может случиться с ними. Где-то, с кем-то, но только не с их семьей. Да, не все было гладко, но...

Когда Мила увидела дочь, то, ничуть, не смутившись, небрежно бросила ей:

– Ну, Ланочка, ты сама все слышала. Объяснять ничего не нужно. Будь умницей, слушайся папу, – с этими словами, Мила ушла, оставив за собой руины.

По правде говоря, Мила давно уже предпочитала ни во что не вмешиваться, соблюдала нейтралитет, а по мере взросления дочери, все более отдалялась. Пока совсем не перестала интересоваться ее делами. Иногда Лане казалось, будто во взглядах матери она ловит досаду, даже неприязнь или что-то очень похожее. Девочка гнала от себя эти мысли, смеялась над собой, объясняла себе, что нельзя быть такой мнительной. Но раздражение, исходившее от матери, нежелание лишней раз обнять дочь, поговорить с ней, да просто вместе чаю попить, она объяснить не могла и ужасно переживала. Мила всегда предпочитала подруг дочери и, подрастая, Лана видела это все более ясно. Обсуждать сложившуюся ситуацию с отцом Лана не решалась, не любила конфликтов и выяснений, зато отца любила всем сердцем. Она знала, что он разнервничается, начнет докапываться до истины, объясняться с женой и выяснять причину

ее отношения к Лане. Мама окончательно замкнется, и в целом ничего не изменится: «Мама любит меня, но умеет показать» – говорила себе Лана, наблюдая за тем, как та снова куда-то собирается.

Лана тяжело переживала неуклонно растущую холодность матери. Отца не бывало дома целыми днями, он работал до позднего вечера и приходил, когда дочь уже ложилась. На плите его всегда ждал сытный и вкусный ужин, но Лана не слышала, чтобы мама встречала папу, чтобы они вместе сидели на кухне и обсуждали, как прошел день. Она специально прислушивалась, но слышала только телевизор или музыку, которую включал отец, чтобы отвлечься за ужином. Ей было обидно за отца, но говорить об этом с мамой, Лана считала неэтичным. Да и не стала бы Мила обсуждать с дочерью отношения с мужем. Скорее всего, она резко пресекла бы любую попытку поговорить.

И вот, объяснение найдено. Как просто и как банально! Роман на стороне.

– У нас все будет хорошо и без нее, – пообещала себе Лана, едва поезд тронулся. До последней минуты она еще надеялась, что Мила опомнится, но этого не произошло, и Лана постаралась принять все так, как есть: «Ради папы», – решила она.

В Москву поехали, так и не попрощавшись – Мила не посчитала для себя необходимостью не только приехать, но и позвонить:

– Хвост собаке лучше всего отрезать одним махом, – любила она приговаривать. Видимо и муж, и дочь оказались тем самым «хвостом», что Мила безжалостно отсекала.

Лана любила бывать у Женьки и уже не могла поверить, что еще совсем недавно понятия не имела ни о ней, ни о Егоре, ни об их родителях. Родители – Алина Сергеевна и Платон Иванович – рестораторы. У них несколько небольших и не пафосных заведений домашней кухни. Оба прекрасно готовили и работу свою обожали, пусть отнимала она почти все время, невзирая на выходные и праздники. Рестораны требовали постоянного контроля и непосредственного участия во всем; будь то проверка продуктов от поставщиков или обсуждение нового меню. Разумеется, имелись помощники и шеф-повара, но стоило немного ослабить вожжи и все шло кувырком. Так уж устроены люди, не чувствуют надзора, норовят схалтурить. Начинали Павел и Алина вместе, с ноля. Сначала крошечное кафе в переулке, затем еще одно, еще и вот у семьи уже пять уютных ресторанчиков в самых оживленных частях города. Расширяться дальше не хотели, хотя дела шли хорошо, и можно было рискнуть. Неторопливо, вдумчиво и всесторонне обсудив плюсы и минусы, пришли к выводу, что пяти точек вполне достаточно. Больших сетей в Москве и без них хватает, да и не по Сеньке шапка. Пусть лучше скромный, но успешный бизнес, чем погоня за призраком; на том и успокоились. Все решения в семье Троицких родители принимали сообща, советовались друг с другом, бывало, спорили до хрипоты, но неизбежно находили компромисс.

– Мама, вы с папой прямо книжные персонажи. Ты это понимаешь? Сейчас таких нигде не встретишь, хоть обойди весь шар земной! – любила смеяться Женька, намекая на то, что родители неразлучны и явно любят друг друга, – Попугайчики-неразлучники.

– Не говори глупостей, доченька, – отмахивалась Алина, – мне просто повезло встретить своего мужчину. – Надеюсь, и у вас с Егором все сложится, вам тоже посчастливится найти свои половинки.

– Время покажет, – философствовала Женька. – Сейчас таких мужиков как отец днем с огнем не найдешь.

– Не переживай, доченька, на твой век хватит, – ободряюще улыбалась мама. – Ты у нас маленькая, настоящая дюймовочка, а о маленьких, хочется заботиться, опекать. И я уверена, ты встретишь того, мужчину, которому это доставит радость.

– Я и сама могу о себе позаботиться! – становясь похожей на воробушка, хорохорилась Женька, – и потом, я, например, не половинка, а целая!

Женька действительно была очень маленькой и хрупкой. Рост ее достигал не более 150 сантиметров. Еще в детском саду она оказалась самой крошечной девочкой из всех детишек ее возраста. Возможно, именно поэтому Женя постоянно стремилась доказать свою значимость и добиться того, чтобы ее воспринимали всерьез. Оттого она налегала на учебу и уже с 15-16 лет ставила перед собой вполне конкретные цели и задачи. Некрасивая, но не лишенная привлекательности, она была волевой и несгибаемой. Умела настоять на своем и взять на себя ответственность за свои слова и поступки.

В отличие от Егора, который скользил по жизни, не особенно утруждаясь и заботясь лишь о том, чтобы как можно насыщенной и интереснее провести сегодняшний день. Легкий, если не легкомысленный, любитель женщин и удовольствий, обаятельный и самоуверенный, он словно бы забрал себе все то, чего могло бы с лихвой хватить на двоих. Высокий, широкоплечий, с большим ртом, не эталон красоты, но из тех самых парней, что без усилий кружат головы девушкам, никогда не останавливаются, и не умеют относиться всерьез, ни к работе, ни к любви.

Полными антиподами получились у Троицких дети. Словно бы разница в десять лет уничтожила саму возможность хоть какого-нибудь сходства, не считая внешнего.

Защитив диплом юридического факультета, Егор, благодаря связям отца, получил прекрасное место в одной из крупнейших туристических компаний. Руководил компанией армейский приятель Платона Ивановича, связь с которым они поддерживали с юности, никогда не теряя друг друга из вида.

Работа полностью отвечала запросам Егора, и позволяла разъезжать по миру в поисках новых знакомств и приключений.

– Запомни только одно, Егор, – представив сына своему другу, наставительно произнес Платон, – держать тебя просто так, за красивые глаза никто не станет. На мое заступничество не рассчитывай. Мы с мамой сделали для тебя все, что смогли и даже больше. Будешь прогуливать, работать спустя рукава, вылетишь вон. И пойдешь искать себе место самостоятельно. Крепко заруби это себе на носу. Сидеть у нас на шее не получится, ты знаешь, я считаю, что мужик должен зарабатывать сам.

Отцовские принципы Егор хорошо усвоил с детства, принял, и не подвел.

Окончив школу, доверившись склонности и чутью, Женька решила стать дизайнером интерьеров. Надо сказать, с выбором она не ошиблась и, как результат – преуспела. Всего Женя добивалась сама и вовсе не потому, что Егора любили больше, нет. Еще во время учебы девочка показала себя с лучшей стороны и сумела добиться прекрасных результатов без помощи родителей, чем безгранично и по праву гордилась:

– Все потому, что у меня особенное видение пространства – обожала повторять Женька, – я делаю квартиры и дома так, как никому и в голову не придет! На том и стою. Вот увидишь, подруга, обо мне еще заговорят. В узких, разумеется, кругах.

– Какая же ты хвастунишка! – удивлялась Лана, – ну, никакой скромности!

– А зачем мне скромность? Она только мешает работать, обрезает, так сказать, крылья. Не дает полету состояться.

Лана звезд с неба не хватала. Никаких способностей к серьезной учебе не обнаружив, выучилась на парикмахера-стилиста и устроилась, не без помощи Алины Сергеевны, в модный салон на Тверской.

– Я помогу тебе начать. Как помогла бы Жене, если бы понадобилось. Вы обе в самом начале пути, о вас никто ничего пока не знает. Но только от вас теперь зависит, узнает ли, – сказала тогда Алина, – Это ведь самое трудное. И все мы прекрасно понимаем, в каком мире живем, без рекомендаций никуда не устроишься, разве что в парикмахерскую экономай, – рассмеялась она. – Одна моя приятельница, зовут ее Елизавета Дмитриевна, держит салон, я тебя

порекомендую. Знаю, она расширяться планирует и мастера ей нужны. Пока поработаешь под мастерем, набьешь руку. Согласна? Но с одним условием...

– Каким? Каким условием? – нетерпеливо воскликнула Лана, – я на все согласна!

– Ты меня не подведешь, не опозоришь, не дашь мне ни единого повода пожалеть, что поручилась за тебя. Договорились? Я на тебя надеюсь. То же самое, я сказала бы своим детям, Ланочка. Не обижайся, дорогая.

– Конечно! Конечно, Алина Сергеевна, Вы во мне не сомневайтесь! Я ни за что Вас не подведу! – прижав руки к груди для пущей убедительности, совсем по-детски заверила Лана.

– Что ж, завтра же позвоню и договорюсь насчет тебя. И все вы будете пристроены, – пообещала Алина, – как же быстро вы выросли! Казалось бы, совсем недавно, я увидела тебя впервые, ты была такая худенькая, такая хрупкая, так всего стеснялась! – в глазах Алины блеснули слезы.

Лану переполняла благодарность, глаза ее увлажнились, она готова была броситься на грудь Алины и разрыдаться от избытка чувств.

– Спасибо Вам, Алина Сергеевна! Я так признательна! – с трудом сдерживаясь, от всей души произнесла Лана.

Никогда собственная мать, ничего подобного не сделала бы для нее... Эгоистка. За несколько лет она не появилась ни разу, укатила куда-то с этой своей «настоящей» любовью и – поминай, как звали. А они с папой были, значит любовью не настоящей. Мила их просто выбросила, как ненужную вещь. Выбросила и забыла. Лана ощутила горечь во рту.

Когда-то Мила мечтала стать актрисой и выходить каждый вечер на сцену, но таланта ей в небесной канцелярии не отмерили. Во всяком случае, актерского таланта. Мила не сразу поверила, но... погоревав немного после очередного громкого провала, решила заняться шитьем. Чего толку упираться, когда самой стало ясно – актрисой не быть никогда и ни при каких обстоятельствах. И так ловко и здорово давалось ей швейное ремесло, что Мила ничего другого уже не искала. Со временем она устроилась костюмером в тот самый театр, где когда-то хотела играть. Ее любили, ценили, и чувствовала себя Мила на своем месте.

Лана была уверена, что и она нашла свое место.

Что касается Милы, то Лана искала ее и несколько раз навещала на старую квартиру в Питере. Однако жилище встречало ее тишиной и запустением. Было совершенно очевидно, что кроме самой Ланы, здесь никто не появлялся. Лана проветривала, мыла полы, вытирала пыль.

Однажды она позвонила в театр: «Серьезно, Ланочка?! Так и не появлялась? Она давно уже уволилась из театра, связь ни с кем не поддерживает. Мы ничего о ней не знаем...» – воскликнула одна из коллег матери, до которой удалось дозвониться.

Еще несколько лет они с отцом ждали, что Мила как-то заявит о себе, но... она пропала. Ждать Лана не перестала, но свыклась.

Квартиру, отец, в конце концов, сдал на хороших условиях.

– Это будут деньги тебе на карманные расходы, – объявил он Лане, – твой нз, если хочешь. Я же знаю, деньги никогда не бывают лишними. Хочешь, открой счет, а нет – твое дело.

– Спасибо тебе, папа! – от всей души поблагодарила Лана.

Денег ей не то, чтобы не хватало, но их ведь действительно не бывает много. Тем более у молодой девушки. Когда Лана была маленькой, мама с наслаждением шила ей платья, брючки, юбки и блузочки. Миле нравилось одевать дочку со вкусом, шиком, интересно и разнообразно. Она гордилась малышкой и любила демонстрировать ее друзьям и знакомым. В раннем возрасте Лана походила на ангела; золотые кудряшки, личико сердечком, ротик-ягодка. Но едва Лане минуло десять, Мила утратила всякий интерес к гардеробу дочери. Начала покупать ей только самое необходимое, и совсем перестала шить для нее. Мила никак не желала смириться

с утраченной детской прелестью девочки. Женщине не нравились перемены, происходящие во внешности дочери.

– Что за странная прихоть природы?! Что за игра чертами и членами? – глядя на Лану, думала Мила. – И почему подростки такие нескладные? Ни изящества, ни грации, сплошные углы... какие тонкие длинные ноги, руки... Бррр! Неужели и я была такой же? – содрогалась она.

– Мила, голубушка, она же растет! – толковывала приятельница по театру. – Вот увидишь, пройдет несколько лет и Лана станет прелестной девушкой. У нее прекрасная основа. Даже не сомневайся!

– Верится с трудом... – сомневалась Мила, – представляешь, я совершенно не помню, какой была в этом возрасте. А ведь не так уж много лет минуло с той поры!

– Что ты, Мила, целая жизнь! – смеялась приятельница, – целая жизнь!

Лана превратилась для Милы в бельмо на глазу, напоминание о безжалостно бегущем времени, об уходящей молодости, о несбывшихся мечтах. Ни о чем подобном она не говорила ни с мужем, ни с подругами, ни, тем более, с коллегами, но недовольство росло по мере того, как взрослела и распускалась, подобно бутону Лана. В памяти девочки остались яркие наряды из мягких, приятных на ощупь тканей. Хотелось одеваться так же красиво, как в детстве и Лана трагично на обнови почти все, что зарабатывала. Однажды, незадолго до переезда в Москву, Лана попросила маму сшить ей «особенное» платье. Такое, какого нет больше ни у кого.

– Я достаточно устаю на работе, чтобы заниматься шитьем еще и дома – неожиданно зло отрезала Мила, – Обойдешься!

– Но мама... – возразила Лана дрожащим голосом.

– Это не обсуждается! Твой отец хорошо зарабатывает и с удовольствием даст тебе денег. Тема закрыта.

Было обидно, и больше Лана не обращалась к Миле с подобными просьбами.

Павел против покупок не возражал, дочь не попрекал, считал, что вполне естественно, когда молодой девушке хочется наряжаться. Эту женскую слабость к тряпкам он находил забавной и даже трогательной. Деньги на хозяйство Павел Анатольевич оставлял в комод и Лана брала их по мере необходимости.

– Почему бы не облегчить жизнь своему ребенку, если есть такая возможность? – был убежден отец.

Тем более, что Лана умело обращалась с отцовскими средствами и вела дом не хуже сбежавшей матери. Алина Сергеевна Троицкая научила ее готовить и Лана с удовольствием возилась на кухне. Питаться в столовой или довольствоваться пельменями, Павлу не приходилось. Он всегда любил именно домашние обеды и очень ценил то, что дочка это понимает и, не смотря на занятость, успевает побаловать его.

Так они и жили вдвоем с отцом, уютно и дружно.

Через пять лет контракт Павлу Анатольевичу продлили, и осиротевшая семья окончательно обосновалась на новом месте. А еще несколько лет спустя, Павел выкупил, и оформил в собственность, ставшую привычной, и полюбившуюся им квартиру.

– Теперь ты можешь все здесь поменять, если хочешь – положив перед дочерью документы, предложил Павел, – а я знаю, ты хочешь.

Первым делом Лана позвала Женьку, чтобы посоветоваться. К тому времени Женя уже занялась дизайном, и успела с блеском выполнить несколько не самых простых заказов.

– Мне бы хотелось изменить все до неузнаваемости. Как думаешь, что стоит сделать с моей комнатой?

– Да... комната у тебя не так, чтобы очень, – безапелляционно заявила Женька, – ее ведь бывшая хозяйка оформляла? Если не ошибаюсь?

- Не ошибаешься. Поэтому мне и хочется изменить абсолютно все. Поможешь?
- Сделаю тебе не проект, а леденец на палочке! – засмеялась Женька, – причем заметь, возьму недорого. Бутылку Мартини, банку оливок и несколько вечеров за разговорами. Идет?
- Идет! – обрадовалась Лана и обняла подругу.
- А пока ремонт, можешь переехать к нам. Пущу тебя в свою комнату, так уж и быть.
- К вам?! – засомневалась Лана, – а папа как же? Я его не оставлю.
- И не надо. Не переживай так. Папе мы поможем квартиру снять. Недалеко и недорого.
- Неее, Жень. Это неудобно. Я имею в виду, что мы с папой вместе на квартиру переедем. Так лучше будет, и никого стеснять не придется.
- Как знаешь, – Женька развела руками, – мое дело предложить.

Женька не подвела и надежды, на нее возложенные, не обманула. Через восемь месяцев Лана с отцом вернулись в свое преобразенное до неузнаваемости жилье. Квартира стала светлой, казалась больше, открылась и задышала. Комнату Павла оформили в коричнево-кремовых и охристых тонах, сдержанно, строго, линии четкие, ничего лишнего. Женька даже достала антикварный письменный стол, небольшой, но основательный, с дубовой столешницей. Стол был именно такой, какой больше всего подходит для работы. Женька прекрасно знала, что отец подружки частенько возится дома с чертежами и бумагами. А Лана получила комнату нежную, салатную, со светлой мебелью и удобным диваном. Посовещавшись, Лана с отцом решили полностью довериться Женьке. Ее «видению» и вкусам. Осторожный и практичный Павел навел предварительно справки о ней. К своему удовольствию, он выяснил, что Женька настоящий талант и карьера ее непременно пойдет в гору.

– Стоит рискнуть, я посмотрел на ее работы и, надо сказать, она молодчина. Твоя подруга далеко пойдет, помани мое слово.

– Я только за! Пусть делает, что считает нужным, так даже интереснее, – кивнула Лана.

– А не понравится, заставим переделать, – хохотнул Павел, – и не уйдет, пока не сделает все так, чтобы нам понравилось. Верно, дочка?

Уже через неделю после этого разговора Лана с отцом перебрались в съемную квартиру, а Женька принялась колдовать.

Поэтому сюрприз удался на славу, ходили, охали, изумлялись и радовались.

– Это тебе, Женечка, за работу, – вкладывая в руку Женьки конверт, пояснил Павел.

– И это не обсуждается! – пресекла Лана маминым голосом и тут же прыснула, – ты потратила столько времени, нервов и сил, что было бы свинством не оплатить твой труд. Расценки мы с папой знаем, так что...

– Лана совершенно права. Ты, как я понимаю, все эти месяцы занималась только нами? Спасибо тебе! Нам очень понравилось! Благодаря тебе мы начнем все с чистого листа, в этой квартире ничего не напоминает о прошлом и можно смело строить будущее. Вы уж извините за пафос. Правда, дочка? – Павел Анатольевич привлек к себе Лану и поцеловал ее в висок.

Он знал, хотя Лана не признавалась ему об этом, что боль от исчезновения Милы саднила и по сей день. И если сам он давно сумел пережить давнее разочарование и больше не тосковал о пропавшей жене, то Лана... с ней все обстояло куда сложнее.

Обида на маму засела в сердце Ланы ядовитым жалом, но не подавала видимых признаков жизни. Внешне все выглядело так, будто она перенесла бегство поразительно легко, с некоторым даже равнодушием. С отцом они тему эту обсуждали редко, о маме вслух не вспоминали, словно и не было ее никогда. Но Павел Анатольевич хорошо знал и понимал свою дочь, поэтому обмануть его ей не удалось.

А ведь бывают совсем другие семьи, теперь-то Лана знала это наверняка. И для себя она воображала именно такую семью, как у Троицких. Непременно двое, а лучше трое детей и любящий муж, и полная чаша... в роли отца и мужа Лана не мыслила никого, кроме Егора.

Не беда что сейчас он о ней не думает, видимо время не пришло. Все еще непременно будет. Павел Анатольевич, сколько помнила себя Лана, по мере сил и возможностей старался, чтобы «его девочки» ни в чем не нуждались. Семья для него значила много, если не все. И что же? Когда и почему что-то пошло не так? Лана ломала себе голову, рассуждая и пытаясь понять, где ошиблись родители, что сделали не так, чего не предусмотрели? И как ей, Лане, избежать для себя подобных ошибок?

Поэтому к Алине, матери Троицких, Лана тянулась всем сердцем, всей душой.

Работала Лана, не покладая рук, краснеть за нее Алине не пришлось. Руки у девушки оказались ловкими, чуткими и ласковыми. Лана догадывалась, что они недаром такие умелые, то наследие непутевой мамы. Хоть что-то хорошее оставила Мила для дочери.

– Спасибо тебе, дорогая мамочка, – мысленно благодарила Лана, – За руки, за то, что в детдом не сдала, за все хорошее тебе большое человеческое спасибо.

Приняли Лану в салоне не сразу, как не сразу принимают новеньких во всех сложившихся коллективах. Но Лана не унывала, настороженность и отстраненность коллег воспринимала как временную трудность. Пройдет время и все встанет на свои места.

– Ты уверена, что хочешь работать парикмахером? – без обиняков спросила у Ланы Елизавета Дмитриевна при первом знакомстве, – ты подумай хорошенько, я, знаешь ли, люблю, когда у меня девочки работают стабильно. А то сбежишь через полгода – год, мне замену искать. Клиентура у нас капризная, всякое бывает... Ты подумай еще раз, Ланочка. Работа тяжелая, весь день на ногах.

– Елизавета Дмитриевна, я подумала. Иначе не стала бы Алину Сергеевну беспокоить. Вы не волнуйтесь. Поверьте мне. Работы я не боюсь и белоручкой никогда не была.

Елизавета поверила, пусть и не сразу. Несколько месяцев присматривалась она к Лане, глаз с нее не спускала. Была придирчива и строга, как и ко всем остальным работницам в начале пути. Даром что Лана блатная, поблажек Елизавета не допускала. Бизнес – прежде всего. Елизавета с удовольствием заметила, что работы Алинина протеже не боится, может и волосы сама замести, если уборщица занята, и мелкие поручения выполняет без лишних вопросов. Клиентки поначалу не слишком охотно доверяли свои головы новенькой, предпочитая проверенных мастеров, а потом ничего, привыкли. Лана девушка аккуратная, доброжелательная, умеет и промолчать, и спросить, и интерес показать, когда необходимость появлялась. Через некоторое время Елизавета Дмитриевна расслабилась, и Лане окончательно доверилась.

– Хорошую ты мне девку сосватала, подруга, – говорила она Алине Сергеевне, – вот что ни говори, а найти путевого мастера, с огоньком, по-настоящему в своем деле талантливого совсем непросто.

Алина Сергеевна смеялась и отвечала, что никогда бы не «сватала» Лану, если бы не была в ней уверена:

– А то знаешь, как иногда бывает, привел твой знакомый человека, порекомендовал его, а тот бездельник и бездарь. Вот и приходится маяться, дилемму решать, чтобы знакомого не обидеть, и самому в накладе не остаться.

Лана быстро обросла клиентурой, то, чем занималась, любила, и оттого на работу ходила с радостью. Если Елизавета Дмитриевна предлагала курсы повышения квалификации или семинары по теме, никогда не отказывалась, всегда с готовностью постигала новое. Клиентки часто спрашивали, принимает ли Лана на дому, но на дому Лана не принимала. Уверена была, что домой работу тащить не стоит, и устраивать из квартиры проходной двор не считала возможным. Но все это произошло позже.

А пока Лана страдала, ведь Егор по-прежнему не замечал в ней женщину. Егор старался случайно не прикоснуться к Лане, не остаться с ней наедине, и вообще, реже смотреть на нее. Он давно уже догадывался о ее чувствах, но ответить не мог, да не хотел. При появлении

Ланы, он норовил поскорее удрать, дабы не впасть в соблазн и не попасться. Разумеется, Лана это видела, как видели и все остальные. Сколько горьких слез пролила влюбленная на плече Женьки, сколько было выстрадано сколько говорено-переговорено. Егор неизменно оставался дружелюбен, улыбчив, и... ничего более. Очень мягко, но недвусмысленно, стараясь не обидеть Лану, он все же, раз за разом давал ей понять, что более чем братом подруги вряд ли когда-либо станет для нее.

– Зачем тебе я, малыш? Ты встретишь достойного парня, он сделает тебя счастливой. А у меня это точно не получится – вкрадчиво увещевал Егор, – ты все придумала, я совсем не тот, кто тебе нужен. Посуди сама, я не создан для серьезных отношений и не могу дать тебе то, чего ты хочешь. Даже не так, дать тебе то, чего ты заслуживаешь. Ты чудесная девушка и вправе рассчитывать на большее. Ланочка, детка, я разобью тебе сердце, – и он целовал ее ладошку.

– Лана, а ведь он не врет, – соглашалась Женька, – переключись на кого-нибудь другого. Если не перестроишься, Егор разобьет твое сердце, как и обещал.

Лана упрямо качала головой и молчала. Переубедить ее не смог бы никто в целом мире.

– Я люблю его. И это сильнее меня, – признавалась Лана, когда Егор в очередной раз сбегал от нее, – Он поймет, увидит. Никто не будет любить его так, как люблю я. Просто время еще не пришло.

– Время не пришло, не пришло время! – дразнила Женька, – я слышу эту фразу уже тысячу лет! Ты повторяешь ее как мантру, и что? Ланка, дуреха, ты пропустишь все самое интересное, – тормошила ее Женька. Надо встречаться, влюбляться, делать глупости и терять голову. Когда, если не теперь? Уж кто-кто, а Егор своего точно не упускает. Ты надеешься, он думает о тебе? А он вообще помнит о твоём существовании, пока не столкнется нос к носу?

– Но я совсем не хочу делать глупости и терять голову еще раз. Я ее уже потеряла однажды и навсегда. Как ты не поймешь?!

– Лана! Ты фантазерка! Ты все себе придумала. У Егора своя жизнь, он старше нас на десять лет! Это же так много!

– Это не много. И не имеет значения, – упрямо твердила Лана, – есть пары, в которых разница гораздо больше. Почему бы нам не стать одной из них?

– А ведь я ни минуты не сомневалась, что у тебя это пройдет, – сказала Женька, – но вот мы выросли, почти взрослые, а ты все еще сохнешь по моему братцу. Поразительно! Я о таком только читала, не думала, что столкнусь в реальности. Может, все же пройдет, а?

– Не пройдет. Никогда не пройдет. Я знаю, – Лана развела руками и пожала плечами, – это судьба. Я же тебе это сразу сказала, еще в седьмом классе. Помнишь?

Время от времени Женька все же вытаскивала Лану в компании. Вокруг постоянно вились, кружили и маячили особи мужского пола самого разного толка и сорта. Лана нравилась мужчинам, но это ее не трогало. На предложения встретиться, она неизменно отвечала отказом:

– Прости, это невозможно. Я не свободна...

– Ты должна попробовать разных мужчин – горячо убеждала Женя, – Иначе, когда пройдет твой звездный час, ты просто не будешь знать как вести себя. Это ты понимаешь? Быть девственницей в восемнадцать просто неприлично! Если Егор все-таки окажется с тобой в кровати, он умрет от скуки. Он ведь у нас очень опытный.

– Отстань, моим первым будет Егор и от скуки он не умрет. Можешь не волноваться. И это не обсуждается! – жестко отрезала Лана, вновь услышав нотки Милы в собственном голосе, – ты говоришь глупости, Женька. Сама себя послушай!

– Смешно, ей-богу! Ты заиклилась. Оглянись вокруг! – не сдавалась Женька, – помнишь Федора с параллельного потока? Прекрасный парень, красавец и ты ему нравишься. Попробуй закрутить с ним, чего тебе стоит? Не нравится Федор, обрати внимание на Олега. Или Макс. Ну, Макс, высокий такой блондин. Он бы точно не отказался видеть тебя своей подружкой. Я

собственными ушами слышала, как он говорил об этом. А он, на минуточку, сын дипломата и собой хорош. Чем не пара тебе? Мне просто жаль тебя, годы-то идут. Не успеешь оглянуться, нам стукнет пятьдесят. Твоя грудь отвиснет, а задница станет больше на пять размеров. И что? О чем ты будешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами? О том, как вздыхала о Егоре? А Егор? Ты думаешь, что станет с ним? Он же скоро облысеет, подурнеет, отрастит себе живот и уже не будет тем, кого ты так жаждешь. Понимаешь? В один прекрасный вечер ты согласишься на него и ужаснешься. Но все! Время прошло и ничего не вернуть.

– Да... скоро девятнадцать, – притворно вздыхала Лана и громко смеялась, – вот увидишь, Егор будет мой. Очень, очень, очень скоро он будет моим. Ты еще племянников будешь помогать нянчить. А Федя, Олег и прочие пусть обратят внимание на кого-то другого. Вокруг столько свободных и красивых девчонок! Мне это неинтересно. Ну, вот совсем, ни капельки неинтересно.

– О, Боже! Ты же абсолютно чокнутая! Совершенно сумасшедшая! – ужасалась Женя, – у тебя навязчивая идея. Или как еще это можно назвать? Одержимость? Точно! Ты одержима моим братом! Боже! Это же ужасно! Хичкок мог бы снять фильм на эту тему, не находишь? Получился бы отличный триллер!

В глубине души Женька немного завидовала, ей хотелось понять, каково это, ТАК любить? Хотя бы раз в жизни ей мечталось испытать нечто подобное.

– Все-таки любовь – это химия, реакции, нечто, что невозможно объяснить! – говорила Женька, – если подумать, то становится страшно. Ты не принадлежишь себе, живешь, под гнетом чувства, которое не всегда взаимно... жуть!

– Балда! – смеялась Лана, – любовь прекрасна и когда-нибудь ты в этом убедишься. Нет никакого «гнета», есть полет, восторг, надежды, мечты.

Однажды Лана уговорила Женьку оставить их с Егором вдвоем на даче. Они тогда уже год как окончили школу, и казались себе ужасно взрослыми. Как-то в выходные решено было отправиться за осенними яблоками, за антоновкой, на чем настояла мама Троицких:

– Подышите свежим воздухом, послушайте природу. Отвлечетесь от учебников и лекций, – сказала Алина Сергеевна, – Заодно привезете мне райских плодов. А Егор вас отвезет.

Алина обожала печеные яблоки с медом, корицей и горячим чаем. Всем другим предпочитала свои, дачные. А порадовать Алину хотелось и Троицким младшим, и Лане. Тем более что самой Алине вырваться удавалось редко. Егор на удивление легко согласился отвезти девчонок на дачу и приказал быть готовыми в шесть утра. Алина собиралась уговаривать сына, убеждать его и очень обрадовалась: « Спасибо, сынок. Мне будет спокойнее, если девочки поедут с тобой».

– Ждать никого не буду, – строго предупредил Егор. – Не встанете вовремя, уеду один. Так и знайте!

– Оставайся у нас, Лана, – предложила Женька, – так никого не придется ждать. Позавтракаем все вместе и поедем.

– Да, Ланочка, это разумно, – поддержала Алина Сергеевна, – Оставайся.

Лана предупредила отца и осталась у Троицких. Ночью ей не спалось; сладко ныло сердце, предвкушая день, в обществе Егора. Сон сморил девушку лишь под утро, но как только прозвенел будильник, Лана первая открыла глаза и улыбнулась многообещающему утру.

В половине седьмого выехали со двора. Путь предстоял не так чтобы дальний, каких-то пару часов.

Девочки почти сразу задремали, привалившись, друг к другу, на заднем сиденье. Егор сделал музыку тише и вел машину аккуратно, не торопясь, наслаждаясь пустой дорогой и выходным днем, провести который, предстояло за городом. Пусть и в компании сопливых девчонок.

Остановившись у ворот, он разбудил девочек: «Приехали! Подъем! Мы на месте, девочки! Хорошо-то как!»

Воздух был холоден, свеж и прозрачен. Пахло сырой землей, пожухлой листвой и поздними яблоками. Аромат кружил голову. Дышалось легко и свободно. Троица шла гуськом по садовой тропинке и жадно вдыхала открытыми ртами. А девочки вдруг принимались счастливо смеяться ни с того, ни с сего. Было тихо и очень, очень спокойно. В доме оказалось холодно и оттого совсем неуютно. Но Егор быстренько принес воды из колодца, затопил печь, а девочки вымыли полы и протерли пыль. Двигаясь, быстро согрелись. А вскоре стало по-настоящему тепло, потрескивал огонь в печи, на плите шумел чайник. Платон с Алиной предпочитали обыкновенные деревенские избы без изысков. Им нравились стены из необработанных бревен, дощатые полы и половицы на них. Чтобы непременно пахло деревом, чтобы ничего нового, современного, все по старинке. Как у бабки и деда. Единственное удобство, ими принятое и столь необходимое – это теплый туалет и душ с ванной. В остальном дом ничем не отличался от деревенских строений в глубинке. Даже колодец во дворе был таким же, как у ближайших соседей:

– Ну и что, что есть водопровод? Колодец – это настроение, стиль, необходимый штрих, – объяснял Платон.

Накрыли стол льняной скатертью, заботливо уложенной Алиной в дорожный рюкзак, цветной глиняной посудой, что так нравилась им всем, одним своим видом возбуждала аппетит и поднимала настроение. Уже через час стало жарко, дом ожил и запел. Пахло теплым деревом, самым живым из всех возможных строительных материалов. Женька приоткрыла окошко и уселась на широкий подоконник с книгой. Всякий раз приезжая на дачу, Женя предпочитала читать именно на подоконнике. На первом этаже их сделали очень широкими специально для нее. С раннего детства, увлекшись чтением, она укладывала на подоконник подушку и усаживалась сверху. Просидеть так Женька могла несколько часов подряд; ни на что не отвлекаясь. Стоило больших усилий заставить ее пообедать или выпить чаю. Соседские дети не раз и не два забегали во двор и приглашали Женьку на речку или просто поиграть. Но пока девочка читала, ничего другого не существовало вокруг.

– Плед возьми, простудишься, – Егор заботливо укутал сестру пушистым желтеньким пледом.

– Ага. Спасибо! – поблагодарила Женька, не отрываясь от книги.

Каждый раз, открывая очередной томик, она ускользала, погружаясь в историю, не видела и не слышала ничего вокруг. Как в детстве. Ни Егор, ни Лана такой способностью и страстью к чтению не отличались и даже немного ревновали ее к книгам и чуть раздражались.

– Женька! Хорош читать! Пойдем шашлык жарить. Вина выпьем, песни попоем, – позвал Егор.

– Да. Да. Сейчас! Только до конца абзаца дочитаю...

Егор усмехнулся, набросил на плечи старую дубленку отца и вышел во двор разводить костер. Мясо замариновали еще в Москве. Осталось лишь нанизать его на шампуры, помыть и порезать овощи – и стол готов.

Лана, дождавшись, пока затихнут за домом шаги Егора, присела неподалеку от Жени в кресло-качалку.

– Что, неужели и правда такая книга интересная? – спросила она, заметив, что Женька и не думает бросать свое занятие. Разумеется, поговорить ей хотелось вовсе не о книгах.

– Ты не представляешь! – улыбнулась Женька, – Еще какая интересная!

– Как называется? – без всякого выражения притворно любопытствовала Лана, лишь бы завязать разговор.

– Называется «Время страстей человеческих», – неожиданно быстро ответила Женя и захлопнула книгу. – Вот не понимаю я тебя, Ланка, как можно не любить книги?! Это же

целый мир! Это как возможность прожить множество жизней, узнать много интересных историй, познакомиться с новыми людьми... ну, не знаю, как подсмотреть в замочную скважину. Ничего, придет время, и ты это поймешь. Не доросла еще. Так бывает.

– Слушай, Жень, – перебила Лана, – а как ты считаешь, Егор... он совсем обо мне не думает? Я ему совсем, ни капельки не нравлюсь?

– Опять двадцать пять! – нахмурилась Женька, – когда ты поймешь, что Егор не для тебя, жить станет много проще.

– Почему же не для меня?! – возмутилась Лана, – чем это я ему не подхожу?

– Не заводись, подруга, – Женька поднялась с подоконника, прикрыла окно и устроилась на диване, – дело не в том, что ты ему не подходишь... скорее он тебе. Давай покурим? – неожиданно предложила она и, не дожидаясь ответа, ушла на кухню. Вернувшись, Женька поставила на круглый столик у дивана пепельницу и закурила.

– И мне прикури! – капризно потребовала Лана.

– Ты же не куришь! – фыркнула Женька.

– Все равно прикури! – настаивала Лана, – я нервничаю. Возможно, сигарета меня успокоит.

Неумело затянувшись, Лана, вернулась к прерванному разговору:

– Так в чем дело? Почему? Что со мной не так? – в который раз пыталась выяснить Лана.

– Слушай, я ведь уже говорила, дело вовсе не в тебе. Просто Егору нравятся совсем другие женщины. И потом, с тобой ведь просто так не получится. А по-другому ему не надо. Понимаешь?

– Какие? Какие другие? – настаивала Лана, – я стану другой. Что нужно изменить? Как я должна измениться?

– Господи, Лана, а если ему завтра лысые будут нравиться? Ты голову побреешь?!

– А ты сомневаешься? – пожалала плечами Лана, – я стану синей, зеленой или фиолетовой, лишь бы он обратил на меня внимание. Ты же знаешь. Зачем спрашиваешь?

– То-то и страшно, что я ничуть в этом не сомневаюсь, – выпустив дым колечком, ответила Женька. – Видела, какое колечко у меня получилось? Хочешь, попробую еще одно выпустить?

– Девочки! Бабоньки! Хватит трепаться! Сейчас будем лопать шашлык! – раздался с улыбки веселый голос Егора, – все готово!

– Уже готово?! – Женька подскочила к окну и высунулась наружу. Ей не терпелось увильнуть от неприятного для нее и совершенно бессмысленного, на ее взгляд разговора. Лана ходила и ходила по кругу, упершись, как осел. Иногда, как сегодня, Женю это выводило из себя; хотелось встряхнуть ее хорошенько, выбить, что называется, дурь. Хотелось, чтобы Лана поняла – насильно мил не будешь. А иногда Женя просто пропускала признания Ланы мимо ушей, поскольку наперед знала все, что та скажет.

– Да! Почти готово! Овощи запеклись, несу! Накрывайте на стол! – подойдя к окошку и легонько щелкнув Женьку по носу, велел Егор. – через десять минут можно приступать.

– Давай на стол накрывать! – обернулась от окна Женя, – оставим этот разговор. Потом как-нибудь вернемся... в миллион первый раз.

– Нет! Нет, не ставим! – вскочив, Лана громко топнула ногой, – Послушай, Женя, а не могла бы ты уехать сегодня домой? А нас с Егором здесь оставить? А там посмотрим, какие такие женщины ему нравятся.

– Ты соблазнить его задумала что ли? Решила брать быка за рога? Типа намеков он не понимает, будем действовать напрямую? – запрокинув голову, Женька оскорбительно расхохоталась во все горло, – ну, ну! Флаг тебе в руки!

– Я не шучу! – наливаясь гневом, зашипела Лана, – сейчас же перестань смеяться! Я серьезно! – повторила она.

– Я тоже! – ответила Женька, отсмеявшись, – давай! Дерзай! Хочешь, поспорим даже, что ничего у тебя не выйдет?

– Давай! Давай поспорим! – раскрасневшись, согласилась Лана, – на что будем спорить? Что предлагаешь?

– Что за вопли? А драки нет? – зайдя в комнату в ту самую секунду, когда Лана закончила фразу, поинтересовался Егор. В руках он держал блюдо с дымящимися ароматными шашлыками. – Почему стол не накрыт? Чем вы тут занимались?! А ну, живо! – распорядился он, – я пока бокалы достану и вино открою. Пусть подышит, наберет кислорода. Насытиться, – он причмокнул от предвкушения, – не знаю, правда, можно ли вам вино? Или не доросли еще? – Егор засмеялся.

Лишь день сменился вечером, Женька, подмигнув Лане, засобиравшись домой. К теме спора вернуться не удалось, но Женька решила принять пари и обсудить свой выигрыш позже. При более удобном случае. В том, что Лана проиграет, она не сомневалась.

Егор не любил обязательств и хоть сколько-нибудь серьезных отношений всегда избегал. Не смотря на то, что ему скоро тридцать, жениться он не собирался и подружек менял как перчатки. Пополнять свою постоянно растущую коллекцию трофеев за счет Ланы, Егору и в голову не приходило. А кроме того, считал себя человеком порядочным.

Однажды Егор рассказал приятелю о Лане, о ее любви:

– Прикинь, вот на все девчонка готова, на полном серьезе. Если бы я вдруг решил в тайгу податься и изучать там жизнь медведей, уверен, она бы за мной рванула ни секунды не думая. Прямо смешно!

– И что же тебя останавливает? – удивился приятель, – если девочка и впрямь от тебя голову потеряла, так осчастливь ее, чего тебе стоит? Глядишь, будет на твоём счету одним добрым делом больше.

– Она Женьки лучшая подруга. Постоянно у нас дома крутится, родичи ее знают. Есть в этом что-то противоестественное, что ли... сам не знаю. И потом, не люблю я возиться с неумелыми, зелеными дурочками. Ответственность, первый мужик, как-никак. Вот как опыта наберется, я, может быть, подумаю в этом направлении.

– Брось, Егор! Молоденькая девчонка, чистенькая, сама проситься. Чего еще? Я бы не упустил. Может, тебе жениться на ней? Рано или поздно о семье все равно надо будет подумать. Не всю же жизнь ты в холостяках ходить будешь?

– Вот еще! Не собираюсь я жениться! – усмехнулся Егор, – а поскольку я человек порядочный, то и трогать ее не стану.

– Порядочный?! Ты?! – заржал приятель, – ты же девкам мозги крутишь, врешь, бросаешь, и не оглядываешься! А Галку аборт сделать заставил! И все равно потом бросил. О чем ты?!

– Это другое... – тихо и очень серьезно произнес Егор, – должна быть грань, кодекс, да как угодно назови. Ясно?

– Ты куда это собралась, дорогая сестрица? – поинтересовался озадаченный Егор, – мы же ночевать собирались... да и выпили все... Стоит ли ломиться?

– Планы изменились, – загадочно ответила Женя, – меня ждут. А вы оставайтесь и перед родителями меня прикройте, – хитро добавила она.

Последние полгода девушка встречалась с парнем, несколькими годами старше. Познакомились случайно, в буквальном смысле столкнулись лбами в метро. Отношения эти развивались стремительно, именно так, как того пожелала сама Женька. Новый знакомец вскружил ей голову, всем был хорош, кроме одного. У избранника имелась жена.

– Ничего, жена – не стена. Рано или поздно он ее бросит, – успокаивала себя Женька, – она молодая, детей нет. Найдет себе другого мужа, лучше прежнего.

– Ты в этом так уверена? – засомневалась Лана, – а если она любит его? Будет страдать?

– И почему мы с тобой такие невезучие? – вместо ответа спросила Женька.

– Почему «невезучие»? – не поняла Лана.

– Посуди сама, ты безответно влюблена в Егора уже черт знает сколько лет, а мне нравится женатый. Где же везение?

– Ну, знаешь, стоит ли сравнивать?! – возмутилась Лана, – я бы никогда не стала иметь дело с женатиком. Ушла бы еще до того, как он успел мне по-настоящему понравиться. Женатые – это табу.

– Легко сказать... – не согласилась Женька, – эта женитьба, просто ошибка. Зачем он вообще так рано женился? Не нагулялся еще парень, не готов он к семейной жизни. Вот и результат.

– И зачем только женатые обращают внимание на других? – наивно поинтересовалась Лана, – вот ты как думаешь?

– Ну, ты даешь! – поразилась Женька, – это же очевидно. Ключевое слово «других», это раз. И потом, многие женятся по залету, а потом не знают куда деваться. Жена надоела, но уже есть ребенок и обязательства. Путы, одним словом. Или, скажем, как у моего, – женился слишком рано, нагуляться не успел. Да мало ли причин!

– Ну, ну – хмыкнула Лана, – как бы самой не оказаться на месте надоевшей жены...

– Что, хахаль твой позвонил? Отпросился у жены? – насмешливо уточнил Егор, – тогда все вместе и поедем. Или зови его к нам. Только что-то я не заметил, чтобы ты разговаривала с кем-то... – недоверчиво заметил он. – Ты же все время с нами была?

– Да нет. Он не поедет... – Женька перехватила умоляющий взгляд Ланы, – вы оставайтесь, а я поеду. Меньше объясняться с родителями придется. А завтра утром я вас где-нибудь по дороге встречу, будто бы мы все вместе были. Добро?

– Нет. Ничего у вас, голубушки, не выйдет. Так и знайте, – решительно припечатал Егор, – вдвоем с Ланкой я на даче не останусь. Ишь, чего удумали. Вы что, за дурака меня держите? Раз ты уезжаешь, то и мы едем. И когда это такое было, чтобы мы с Ланкой где-либо вдвоем зависали? А? И с чего это вы, голубушки, решили, что на этот раз зависнем? Давайте-ка, уберем все, яблоки в багажник загрузим и вперед, умнички вы мои, распрекрасные. Да если хотите знать, то моя порядочность как раз и заключается в том, что я ни разу, ни единого раза не воспользовался Ланиным ко мне отношением! Ясно вам? Курицы вы малолетние! Да, да. Не удивляйтесь! Я считаю себя человеком порядочным. У меня тоже есть свои принципы. А игры ваши я сразу вижу, нашли, кого обманывать. Носы не доросли. Я взрослый мужчина, на ваши подростковые интрижки не поддамся. Все же шито белыми нитками!

– Принципы?! – фыркнула Лана и пулей выбежала из дома. Убедившись, что план с треском провалился, Лана готова была орать во все горло от обиды и злости. Егор не поддался на провокацию, он и правда ее не хочет. Совсем, абсолютно, ни капельки. Он, видите ли, человек порядочный. Какая ирония! Знает она, какой он «порядочный»!

– Ну? – подойдя близко-близко, почти вплотную, прошептала Женька, – Добилась своего? Что я тебе говорила? Не надоело тебе унижаться?

– Нет! Не надоело! И не надейся! – Лана сверкнула глазами и поджала губы.

– Эй! Чего вы там? Что решили? Едем? Или остаемся? У меня еще две бутылки красного есть! А если по-честному, то вот что я скажу вам, подружки, я выпил. За руль не сяду, и никто из вас никуда отсюда без меня не уедет. Это ясно?

– Мы остаемся! – звонко крикнула в ответ Женька, – давай, подруга, завязывай. Сама видишь, это уже цирк какой-то. Не обижайся, я же тебя люблю. Ты знаешь. Но так бывает. Понимаешь? Бывает так. Что тут можно изменить?! Прими, дорогая.

– Нет! – твердо произнесла Лана и в упор посмотрела на Женьку, – я люблю его, и он будет моим, – с этими словами Лана решительно отвернулась и потопала в дом.

– Офигееет! – только и смогла произнести Женька, – хоть кол на голове теши!

Тем вечером, позабыв о ссоре, много смеялись, пили подогретое вино с корицей, играли в карты и фанты, дурачились и веселились как совсем недавно в школе во время каникул. В жарко натопленном доме ребят, наконец, разморило и потянуло в сон, когда на часах еще не было одиннадцати. Теплолюбивую Лану устроили в гостиной, рядом с печкой. Егор и Женя разошлись по собственным комнатам на втором этаже. Когда в доме все стихло, Лана, так и не сомкнувшая глаз, выскользнула из кровати. Босая, в одной сорочке, она осторожно поднялась наверх.

– Сегодня. Это должно произойти сегодня, – прошептала себе Лана, – Сегодня, или никогда. Если сейчас он меня отвергнет, я больше не буду настаивать, – твердо решила она.

Прислонив ухо к двери, за которой спала Женька, Лана с удовлетворением услышала сонное сопение подруги. Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в пропасть, Лана бесшумно приоткрыла дверь в комнату Егора. Он спал на спине, широко раскинув руки. Занавески на окнах Егор не задернул, и луна хорошо освещала его. Лана залюбовалась, затем скинула сорочку и шагнула к постели. Голая, жаркая, она нырнула под бок к Егору и тесно прильнула к нему. Егор заворочался и проснулся: «Что ты... какого...»

– Чччч тише, милый, тише...

Договорить ему Лана не позволила. Обвив шею любимого, она принялась целовать его очень нежно и в то же время жадно и требовательно. Прижимаясь к нему всем своим стройным горячим телом, Лана еле слышно постанывала от охватившего ее желания. Устоять Егор не сумел, ведь в девушке горел неподдельный огонь, а встречается он не сказать, чтобы часто. Эта ночь стала первой общей ночью, желанной и счастливой для Ланы. Девушка испытывала блаженство от каждого прикосновения, замирала и уносилась ввысь от каждого поцелуя. В эти минуты сами ангелы играли для нее на скрипках. Она не знала, хорош ли Егор как любовник, сравнивать ей было не с кем, но одно она знала точно – для нее он лучший, единственный и неповторимый. Егор же, обрел в ее лице податливую, отзывчивую, безотказную и чувственную любовницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.